

П.Н. Дудин

старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия), кандидат политических наук

Становление и нормативное закрепление теократической монархии в Монголии в 1911– 1924 годах

С распадом государства Цин в октябре 1911 г. усилилась национально-освободительная борьба в Монголии и активизировались центробежные силы, которые в декабре 1911 г. провозгласили независимость страны. В Монголии, где религиозные институты традиционно играли важную роль в жизни общества, волна религиозного возрождения вызвала теократизацию государственно-властных отношений. Фигурой, представляющей божественное провидение, традиционно выступал Богдо-гэгэн, также являющийся Халха-Джебдзун-Дамба-хутухтой. Однако после изгнания китайских оккупантов в 1921 г. идея объединения всех монгольских народностей под знаменем суверенного теократического образования под эгидой такого же монарха-суверена утратила актуальность из-за отсутствия национального единства. В 1924 г., после смерти Богдо-хана, форма правления была изменена с провозглашением Внешней Монголии в качестве республики.

Ключевые слова: монархия, религия, власть, государственность, независимость, договор

Монгольская теократическая монархия, существовавшая в условиях становления монгольской государственности в начале XX в., имела ряд особенностей, исследование которых представляет значительный научный интерес. Опираясь на духовенство как наиболее сплоченный слой общества, она была и консолидирующей силой, которой удалось сплотить монгольское общество в период провозглашения политики отделения от Китая, и выступала своего рода компромиссом после событий, получивших название «народная революция».

Особенность теократического характера власти Богдо-гэгэна заключалась в следующем. Во-первых, теократия как власть от Бога не предполагает ограничений, поскольку суверенитет в данном случае принадлежит не только и не столько монарху, сколько собственно Богу, наместником которого монарх выступает. Во-вторых, на данном этапе в Монголии не было писаной конституции или иного

основного закона (законов), который определял хотя бы условно круг полномочий хана. В-третьих, сами полномочия были весьма широки и касались практически всех сфер общественной, экономической и политической жизни. В-четвертых, Монголия входила в состав республиканского Китая, и это, безусловно, накладывало свой отпечаток на характер взаимоотношений высших органов управления Монголии с другими субъектами общественных отношений. Наконец, в-пятых, на завершающем этапе — в 1921-1924 гг. — была выстроена классическая модель монархического европейского конституционализма с большинством его обязательных элементов: договорный характер отношений хана с правительством, четкий круг полномочий, механизм контрасигнатуры и др.

Относительно ограниченной конституционной монархии мнения и политологов, и юристов не имеют принципиальных расхождений. Б.Н. Чичерин писал, что ограниченная монархия, свойственная новому времени, есть так называемая конституционная монархия, в которой монархическая власть ограничивается не привилегиями сословий, а представительством народа как целого. При этом аристократии и демократии уделяется та степень влияния, которая принадлежит им фактически, по их общественному положению¹.

Советская политико-правовая мысль сводилась, как правило, к тому, что ограниченная (конституционная) монархия как форма правления есть результат компромисса буржуазии с дворянством, ограниченная на основании конституции и в результате распределения полномочий между другими органами власти: «В конституционной монархии монарх юридически считается верховным носителем исполнительной власти, главой судебной системы, формально он назначает правительство, смещает министров, имеет право распоряжения военными и полицейскими силами, издания указов, запрещения принятых парламентом законов или отсрочки вступления их в силу, право законодательной инициативы, роспуска парламента и т.п. Однако фактически эти полномочия обычно полностью находятся в руках правительства, а монарх «царствует, но не управляет»².

Современная научная мысль сводится к тому, что при конституционной монархии реальная законодательная власть принадлежит парламенту, исполнительная — правительству. Обычным юридическим способом ограничения власти монарха является постановление, что никакое его повеление не имеет силы, пока оно не контрасигновано соответствующим министром³. Эта позиция совпадает с представлениями о народном суверенитете, когда народ, обладающий суверенной властью, вручает монарху осуществление этой власти на основе договора подчинения. Суверенитет принадлежит народу, но осуществляется — на тех или иных условиях — контрагентом народа, монархом⁴.

В 1911 г. Внешняя Монголия (Халха), изгнав маньчжурских наместников, провозгласила свою независимость. Созданная 30 ноября 1911 г. Временная полно-

¹ См.: Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Т. I—III. М.: Типография товарищества И.Н. Кушнерев и К^о, 1894. С. 215.

² См.: Большая советская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1969—1978.

³ См.: Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 36.

⁴ См.: Гессен В.М. Основы конституционного права. 2-е изд. Пг.: Издание юридического книжного склада «Право», типо-литография товарищества А.Ф. Маркс, 1918.

мочная администрация (правительство) Халхасского Хурээ (Халхын Хурээний бүх хэргийг тур ерөнхийлөн шийтгэх газар) выпустила всеобщее обращение о независимости всех монголов⁵. 1 декабря 1911 г. четыре аймака Внешней Монголии распространили воззвание, в котором объявлялось о создании независимого монгольского государства. Маньчжурский амбань Сань-Та (Саньдо-ван) и другие чиновники через Кяхту бежали в Китай⁶.

Во главе Халхи стал первоиерарх монгольской ламаистской церкви Богдо-гэгэн VIII (Джебзун-Дамба-хутухта XXIII), получивший титул Богдо-хана (Великого хана). Тот факт, что страну возглавил не представитель рода Чингисхана, а другой человек, объяснялся глубокой религиозностью монгольского населения. По оценкам специалистов, к 1921 г. в стране насчитывалось 747 буддистских монастырей, 120 тыс. монахов и священников при общем населении страны в 650 тыс. чел.⁷

Статус Богдо-гэгэна не нашел своего четкого закрепления в Манифесте о независимости⁸, и этот факт, а также отсутствие закона о престолонаследии закономерно усиливали неустойчивость положения Богдо-гэгэна в качестве главы государства⁹, фактически получившего неограниченную правовыми нормами власти¹⁰. О неограниченности характера теократической власти Богдо-гэгэна можно говорить, учитывая и наличие (помимо административных) весьма широкого круга законодательных функций¹¹.

16 декабря 1911 г. было сформировано правительство, включающее пять министерств: внутренних дел; иностранных дел; военных дел; финансов; судебных дел. 20 июня 1912 г. Богдо-гэгэн издал указ об образовании совета министров, определяющий среди прочего, что правительственными чиновниками могут быть только ламаисты и что «с требованием ламаизма будет согласовываться весь образ государственного управления Монголии»¹². В 1914 г. создается двухпалатный совещательный орган. Верхняя палата образовывалась высшими светскими и духовными руководителями, а нижняя — чиновничеством и администрацией низового уровня. Однако это не был ни представительный орган, ни орган, ограничивающий полномочия хана.

⁵ См.: *Хашчулуун Ч.* Современная Монголия — продукт и оплот панмонголизма // Калмыцкий университет. 2007. № 11 (811). 31 августа.

⁶ См.: *Белов Е.А.* Революция 1911-1913 годов в Китае. М.: Восточная литература, 1958. С. 77.

⁷ См.: *Бру С.И.* Население мира: этнодемографический справочник. М.: Наука, 1986. С. 400

⁸ 1 декабря Временное правительство Халхи издало манифест за подписью Богдо-гэгэна, официально объявляющий отмену цинского правления и провозглашающий теократию во главе с Богдо-гэгэном. Сам Богдо-гэгэн 29 декабря был возведен на монгольский престол с титулом Богдо-хан — «Многими возведенный».

⁹ См.: *Майский И.* Современная Монголия (Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского Центрального союза потребительских обществ «Центросоюз»). Иркутск, 1921. С. 267-284.

¹⁰ См.: *Батсайхан О.* Кульминация Монгольской национальной революции 1911 года, или Интронизация Богдо Джебцун-Дамбы. Улан-Батор, 2009.

¹¹ Так, по указу Богдо-гэгэна был разработан в 1913-1918 гг. и введен в действие правовой акт «Установленное указом правовое писание Монголии», который состоял из 65 томов. Этот документ стал преемником древних правовых актов, таких как Великая Яса Чингисхана, Великое уложение (ойратские законы) и Халх Джурам.

¹² См.: Современная Монголия. 1936. № 1. С. 4, 44; Монголии ийгмийн давхраажил: хогжил, хандлага. Х. Гундсамбуу. Улан Батор, 2002. С. 74.

Статус Внешней Монголии нашел свое отражение не только в декларации о независимости, но и в ряде международных договоров. 21 октября 1912 г. было заключено русско-монгольское соглашение о гарантиях со стороны России автономии Халхи в составе Китая¹³. Соглашение предусматривало возможность управления Внешней Монголией ее национальными властями в лице, в первую очередь, Джебзун-Дамба-хутухты с одновременным удалением представителей китайских властей (преамбула договора).

Договор вызвал резкие протесты официального Пекина. В письменных обращениях в российский МИД китайское правительство настойчиво заявляло, что «Монголия является составной частью Китая и, хотя в ней и происходят волнения, она отнюдь не правоспособна заключать соглашения с иностранными государствами»¹⁴.

В ответ на это 5 ноября 1913 г. в результате русско-китайских переговоров в Кяхте была подписана декларация, формулирующая позиции сторон в возникнувшем споре о статусе Внешней Монголии. Согласно декларации территория Халхи признавалась частью Китая на правах широкой автономии. Китай, в свою очередь, признавал автономию Монголии (ст. 1, 2). Признавалось исключительное право Внешней Монголии ведать вопросами внутреннего управления и решать вопросы, касающиеся торговой и промышленной сфер. На китайские власти накладывалось обязательство не вмешиваться во внутренние процессы управления, не посылать на территорию Монголии войска и не содержать там никаких гражданских или военных властей, воздерживаться от политики колонизации. Такое же обязательство брала на себя и российская сторона (ст. 3). Власть Богдо-гэгэна подкреплялась соответствующими гарантиями, которыми обеспечивалось и сохранение монгольской теократии при республиканском правительстве Китая. Китайское присутствие обеспечивалось лишь за счет уполномоченного должностного лица, резиденция которого располагалась в Урге.

В целях урегулирования имеющихся разногласий и дальнейшего определения статуса Внешней Монголии в сентябре 1914 г. в пограничном российском городе Кяхта начались тройственные русско-китайско-монгольские переговоры, закончившиеся подписанием 7 июня 1915 г. Русско-китайско-монгольского «Тройного соглашения» об автономии Внешней Монголии. Соглашение во многом воспроизводило ранее закрепленные позиции, в частности, Внешняя Монголия признавала сюзеренитет Китая, а Россия и Китай — ее автономию. Под территорией автономной Монголии понимались Халха и Кобдоский округ. Правительство Богдо-гэгэна получало исключительное право ведать всеми делами внутреннего управления, иметь свое дипломатическое представительство за границей, а также заключать международные договоры и соглашения, касавшиеся вопросов торговли и промышленности. Оно было лишено права заключать международные договоры с другими государствами, которые предусматривали бы решение политических и территориальных проблем¹⁵.

Россия и Китай обязывались не вводить свои войска на территорию Внешней Монголии, не претендовать на колонизацию ее земель¹⁶ и не вмешиваться в дела

¹³ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Китайский стол. 1912. Д. 617. Л. 329.

¹⁴ Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу. Док. № 27. С. 32.

¹⁵ См.: Там же. С. 68.

¹⁶ См.: «Китай и Япония». Хабаровск, 1915. № 230. С. 36-39; *Martens Fr. Nouveau recueil general de traits*. 3 serie. T. 10. Lpz., 1920. P. 374-80, Советская историческая энциклопедия / под ред. Е.М. Жукова. М.: Сов. энциклопедия, 1973-1982.

внутреннего управления автономной Монголии. Правительство Внешней Монголии оставляло в силе маньчжурское законодательство и учрежденный ими сословный суд. Россия и Китайская Республика брали на себя роль гарантов нового юридического статуса Монголии. Пекинскую власть представлял китайский резидент в Урге и его помощники в Улясутае, Маймачене (Алтан-Булаке) и Кобдо. Как гарант автономии Монголии Россия также должна была принимать участие в решении пограничных вопросов между Монголией и Китаем¹⁷.

Вслед за крушением Российской империи соотношение сил в Монголии нарушилось. После декрета о самоопределении и независимости и ликвидации неравноправных договоров, подписанных царским правительством, поражение и гибель А.В. Колчака, приближение Красной армии к границам Монголии спровоцировали Пекин на жесткие действия. 22 ноября 1919 г. декретом китайского президента автономия Монголии была отменена¹⁸.

Ситуация изменилась на исходе лета 1920 г. Отколовшийся от атамана Семенова бывший командующий конно-азиатской дивизией его формирований генерал-лейтенант барон Р.Ф. Унгерн фон Штенберг осенью 1920 г. занял Ургу. Статус Монголии был восстановлен. Барон Унгерн предпринял попытку военной экспедиции на территорию Дальневосточной республики в Забайкалье, но были разбиты Красной армией. 6 июня 1921 г. объединенные войска Д. Сухэ-Батора, части Красной армии и Народно-революционной армии Дальневосточной республики заняли Ургу. Эти события получили название «народная революция». Революционеры фактически захватили власть в стране после взятия ее столицы и создали в июле 1921 г. так называемое народное правительство. 5 ноября в Соглашении между РСФСР и Монголией об установлении дружественных отношений Правительство РСФСР признало народное правительство «единственно законным» (ст. 1, 2). Внешняя Монголия вновь объявила о восстановлении своей независимости.

Новый режим формально не упразднял прерогатив Богдо-гэгэна, хотя последний по-прежнему фактически лишался власти¹⁹. Авторитет Богдо-гэгэна VIII среди монголов был настолько высок, что революционеры, захватившие власть в Монголии, не посмели его свергнуть. Вместо этого начинается непродолжительный, но планомерный процесс лишения Богдо-хана основных государственных полномочий.

В октябре 1921 г. открылся Временный государственный Хурал²⁰, являвшийся совещательным органом при правительстве. В состав этого органа входили министры и их заместители, представители аратов, князя и представители ламаистского духовенства. На нем было принято Положение о местной администрации, согласно ему были созданы органы местного самоуправления²¹.

¹⁷ См.: Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. М., 1996. С. 341.

¹⁸ См.: Вышинский А.А., Лозовский С.А. Дипломатический словарь. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1948.

¹⁹ См.: Современная история международных отношений: в 4 т. 1918-1991. Т. 1. События 1918—1945 / под ред. д-ра полит. наук, проф. А.Д. Богатурова. М.: Московский рабочий, 2000. С. 224.

²⁰ См.: Зимина Н.В., Шемелин А.В. Избирательная система Монголии: историко-правовой аспект // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: матер. междунар. науч.-практ. конференции (г. Улан-Уде, 15-16 июня 2007 г.). Улан-Удэ: изд-во Бурят. ун-та, 2007. С. 45.

²¹ См.: Там же. С. 46.

1 ноября 1921 г. Богдо-хана вынудили подписать так называемый Клятвенный договор, который лишал его права влиять на важные государственные решения. В 1921 г. Далай-лама XIII получил от Богдо-гэгэна VIII письмо, что Советы, уничтожив свои храмы и священные книги, добрались до Монголии и при содействии Монгольской народной партии сместили его с престола²². Клятвенный договор между Народно-революционным правительством Монголии и Богдо-гэгэном от 1 ноября 1921 г. предписывал оставить за Богдо-гэгэном функции главы ламаистской церкви, но ограничить его светские функции. Он признавался в качестве конституционного монарха с довольно ограниченными правами. Оговаривалось, что он «не должен касаться дел государственных, в отношении же всех дел религиозных пользуется неограниченными правами». Вводилось понятие конституционной монархии, которая предполагала наличие института хана, действующего через председателя народного правительства.

В качестве прерогативы за Богдо-гэгэном оставались согласительные функции по утверждению законов, однако ни изменять, ни отвергать, ни аннулировать их он не мог. Он наделялся правом отлагательного вето в отношении законов, не касающихся укрепления и улучшения основ Монгольского народного государства²³.

Клятвенный договор утратил силу в 1924 г. после смерти Богдо-гэгэна (20 мая) и провозглашения Монгольской Народной Республики. В преамбуле первой в истории Монголии Конституции от 26 ноября 1924 г. говорилось: «В соответствии с интересами широких народных масс, выявивших свое стремление в революции 11 года (1921 года), когда восставшим народом были изгнаны чужеземные угнетатели, а также ввиду смерти. Богдо-Хан-Дамба-Хутухты, являвшегося до того времени главой государства, — избранное революционным народом правительство постановило:

... 2) Ввести в стране республиканский строй без президента, как главы государства, передав всю верховную власть Великому Народному Хуралу и избираемому последним Правительству...»²⁴.

В результате консолидации политических и религиозных сил в 1911 г. Внешняя Монголия получила значительную долю самостоятельности. Эта самостоятельность выразилась в первую очередь в особой форме правления, которая после народной революции стала сочетать в себе традиционный и приемлемый для монгольского народа теократический характер с европейской моделью конституционной монархии. Однако как форма политической организации общества она оказалась недолговечной и не пережила носителя верховной государственной власти, уступив место идеям социализма и республики.

²² См.: *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: С.-Петербург. ун-в. Нартанг, 2006, С. 121.

²³ См.: *Современная Монголия.* 1934. № 1. С. 23.

²⁴ См.: *Дурденевский В.Н., Лудивуейт Е.Ф.* Конституции Востока. Л., 1926. С. 157.